

The week of Korsov's celebration concluded with a symphony concert by the Circle of Russian Music Lovers. It took place in the afternoon, before a packed audience at the Noble Assembly Hall. This year, the Circle has decided to promote not only our vocal music but also our symphonic music, inviting the orchestra and conductor Sergei Rachmaninoff for this purpose. And the first concert was a splendid success in every respect. Rachmaninoff and his orchestra excelled above all in Tchaikovsky's Fifth Symphony. A multitude of subtle nuances, integrity, and harmony were achieved in what the conductor desired from Tchaikovsky's score; finally, and this is most valuable, there were no banalities in the performance. The performance of Rimsky-Korsakov's "Sadko" and Glinka's "Kamarinskaya" were distinguished by the same quality. If, in addition, Mr. Rachmaninoff's "Sadko" was successful due to the inspiration with which everything was saturated, then Glinka's performance, partly explained by the very nature of the instrumentation, was captivating due to the transparency and purity of intention. The concert featured the pianist S. I. Taneyev, who rarely appears before the public as a pianist. I have often spoken about his incomparable piano playing, and now, having not heard him for three or four years, I can repeat everything as before: Mr. Taneyev's piano gives completely poetic pleasure with his classically calm, balanced, but penetrating talent. Mr. Taneyev's playing of Tchaikovsky's *Fantasie de Concert* is crystal clear in terms of technical mastery and conveying the overall meaning. The artist creates a gamut of two moods, both extremely powerful and meaningful. I consider it unnecessary to speak about the success of Messrs. Taneyev and Rachmaninoff—it is so understandable and natural. Iv. Lipaev.

[Translation: Google]

Недѣля, когда чествовали Корсова, завершилась у насъ симфоническимъ концертомъ Кружка Любителей русской музыки. Состоялся онъ днемъ, при биткомъ-набитомъ публикой залѣ Благороднаго собранія. Съ нынѣшняго \*года Кругокъ рѣшилъ вести пропаганду не только одной вокальной нашей музыки, но и симфонической, пригласивъ для того и оркестръ и дирижера С. В. Рахманинова. И первый концертъ прошелъ во всѣхъ отноше-ніяхъ великолѣпно. Г. Рахманиновъ и его оркестръ больше всего отличились въ пятой симфоніи Чайковскаго. Дано было множество тончайшихъ оттѣнковъ, цѣльности и строй-ности въ томъ, чего хотѣлъ отъ партитуры Чайковскаго дирижеръ; наконецъ, и это весьма цѣнно, въ исполненіи не было банальностей. Такими же качествомъ отличилось выполне-ніе и «Садко» Римскаго-Корсакова и «Кама-ринской» Глинки. Если, помимо того, «Садко» г. Рахманиновъ взялъ успѣхъ вооду-шевленіемъ какимъ все было насыщено тутъ, то у Глинки, что отчасти объясняется самимъ характеромъ инструментовки, плѣняла про-зрачность и чистота намѣреній. Въ концертѣ выступилъ весьма рѣдко появляющійся предъ публикой въ качествѣ піаниста С. И. Та-нѣевъ. Я не разъ высказывался уже о его безподобной игрѣ на фортепіано, и теперь, въ не слыхавши его три-четыре года, могу по-вторить все какъ и прежде: г. Танѣевъ-піа-нистъ доставляетъ своимъ классически-покой-нымъ, уравновѣшеннымъ, но проникновен-нымъ талантомъ совершенно поэтическое удо-вольствіе. *Fantasie de-Concert* Чайковскаго, по чти ни кѣмъ не исполняемую, г. Танѣевъ играетъ кристально въ отношеніи техниче-скаго мастерства, передачи общаго смысла. Артистъ даетъ въ ней гамму двухъ настрое-ній и чрезвычайно сильныхъ и содержатель-ныхъ. Про успѣхъ гг. Танѣева и Рахмани-нова считаю излишнимъ говорить, — настолько онъ понятенъ и естествененъ. Ив. Липаевъ.